

Елена Самойлова Волчья верность

<http://zhurnal.lib.ru/e/ewa/>

Аннотация

Небольшая зарисовка по миру Синей Птицы. История удаłego охотника, избравшего волчью долю, но так и не сумевшего расстаться с волчьей верностью к Единственной...

Елена Самойлова Волчья верность

В Синих Рощицах, селе, расположенном близ столицы Росского княжества и всего в полуверсте от обширного торгового тракта, ведущего на север, бедность была скорее редкостью, обычно означающей, что человек попросту не может или не хочет богатеть на торговом деле. В этом же году процветающее село словно подлунная нечисть саванным рукавом обвела — зима оказалась на редкость теплой и малоснежной, зато сухой принес с собой вместо ожидаемых дождей злую метель и заморозки, которые под корень извели озимые, оставив село без урожая хлеба. Рядом со столицей-то ничего страшного не случилось — тамошние ведуны-погодники расстарались, обошла весенняя злоба и поля, и яблоневые княжеские сады стороной, все ушло в густой лес неподалеку.

Одна надежда селу осталась — на торговлю. Мало-помалу, но схлынули холода, потеплело, и в воздухе остро запахло весной и раскрывающимися березовыми почками, а по тракту потянулись первые подводы, едущие на север, к вскрывшейся ото льда Вельге-реке. Вот тогда-то и развернулись торговые ряды — и на базарной площади, и вдоль дороги. Селяне торговали, как могли, предлагая и беленые холсты из тонкого льна, и вышитые руками мастериц рубахи, и лисьи меха — тут уж кто на что горазд был.

Был среди тех, кому места на базарной площади не досталось, и нестарый еще охотник, встречавший свою тридцатую весну посреди людского гама, выкриков и звона мелких серебряных монет. Стоял он чуть в стороне от дороги, так, что лишь его рост, возвышавший охотника почти на голову над галдящим народом, невольно привлекал к нему внимание... и то лишь для того, чтобы непрошеное любопытство заставило рассматривать не товар, а самого продавца.

Лицо худое, кожа, казалось, задубела под ледяными зимними ветрами, загорела до медвяной смуглоты под палящим червеньским солнцем. Бывшие когда-то русыми, а сейчас не то выгоревшие, не то поседевшие до пепельной серости неровно остриженные волосы удерживались тонким кожаным ремешком поперек лба. Аккуратно, явно женскими руками зашитая на локтях и груди потертая кожаная куртка мешком висела на худощавой фигуре. Впрочем, попробовал бы кто с тем охотником на кулачную потеху в день летнего солнцестояния выйти — вряд ли одолел бы. Радей, сказывали, голыми руками медведя по весне заломал, когда тот, злой и отощавший за зимнюю спячку, выбрался из берлоги. Жилистым был охотник, и жилы те — что стальные пруты, из которых гномы куют легкие "женские" сабельки, покрывая их мудреной гравировкой так, что клинок кажется узорчатой лентой, а не оружием. А уж чего стоил взгляд...

Глаза Радея были словно два лесных озерца, заполненных прозрачной зеленой водой — такие же прохладные и невозмутимые. Редко, очень редко глаза его становились серыми, подобными речному льду, и тогда все, кто хоть немного разбирался в людях, стремились убраться с дороги охотника, да побыстрее — а оказавшись подальше, с пугливым любопытством вопрошали: неужто опять на Радееву невесту купеческий сын из Стольна Града позарился?

Настасья девка была справная, пригожая — не первая красавица на деревню, но уж

точно не из последних — да и нрав легкий, задорный. Как ни пройдет по улице, с лукошком ли, с коромыслом или цветочным венком на голове — так словно солнышко теплым лучиком по лицам проведет. И пусть некоторые девки ее за чрезмерно высокий рост да косы черные дразнили "шестиной обугленной" — Настасья не обижалась, только улыбалась весело, да и уходила с ребятней в лес, грибы али ягоды собирать или же бралась за вышивку. Тут уж даже зlostным насмешницам приходилось язычки усмирять — вышивка у Настасьи выходила столь тонкой и вычурной, что на торжище принимали за эльфийскую работу и платили в два, а то и в три раза большую цену супротив работ соседок. Многие девки на "девишниках" просили Настасью научить рисовать иглой и нитью столь же мудреные узоры, да только без толку все — сразу видно становилось, где мастерство, а где по подсказке да совету вышитое.

Всем хороша была девка, и умная, и веселая, и работающая, да вот с возрастом не сложилось. Перестарком оказалась, так к двадцати трем годам замуж и не вышла — то матери помогала искусным узором покрывать простые льняные рубахи, превращая те в праздничную одежду, то по дому хозяйничала... Две осени назад, когда слегла мать с лихоманкой, то совсем не до женихов стало, а уж после того, как единственной хозяйкой в доме осталось — и подавно. И каково же было удивление, когда на праздник зимнего солнцестояния в просторную старостину избу, где всю шла гульба, заявился Радей в белоснежной рубашке, сплошь расшитой дорогими изумрудно-зелеными шелковыми нитками, да так искусно, что казалось, будто бы на беленом полотне причудливым узором вились лозы никем не виданного цветка. Сразу понятно стало, кто с любовью выполнял каждый стежок, кто не пожалел выменянных на столенградском торжище ниток эльфийского переливчатого шелку для этой рубашки, сделанной для Него, любимого и единственного, всю жизнь ожидаемого.

Не с пустыми руками в тот вечер заявился Радей в старостину избу — поклонившись гостям, преподнес он отцу Настасьи связку лисьих и волчьих мехов, пышных, искристых, а самой невесте — витое серебряное кольцо и полушубок из чернубурой лисы, такой, что когда Радей набросил его зардевшейся девушке на плечи, то восхищенно-завистливо ахнули все девки в просторной горнице, потому как шубку такую не стыдно было и столичной княжне по праздникам носить.

И впервые глаза Радея-охотника были цветом, что вышивка на подаренной ему рубахе — зеленые-зеленые, как молодая весенняя листва...

В тот же вечер отец Настасьи дал согласие на брак, только условие поставил — чтобы замуж его дочь вышла в начале осени, когда судьба наиболее благосклонна к молодым, закрома полны, а брак обещает быть крепким и счастливым. Ох, и засияло же радостью лицо невесты. Редкая улыбка тронула четко очерченные губы жениха, плеснула изумрудной зеленью на дно ласковых глаз. До самого утра продолжалось гулянье в доме старосты, и все это время не выпускал из рук хрупкой ладони своей суженой Радей-охотник.

Вот только злые заморозки в начале сухия после обманчиво-теплой зимы разом перечеркнули былые договоренности. Зверя в лесу становилось все меньше, все сложнее становилось охотиться, все реже Радей возвращался с добычей. И что ему с того, если торговля бьет ключом всего через улицу от родного дома? Никогда торговать Радей не умел...да и учиться ему не с руки было. Не мог он складно нахваливать свой товар, как другие, не мог заставить себя выбежать на дорогу перед самой подводой, размахивая вещами на продажу. Не мог — и все тут.

И надо же было такому случиться, чтобы на Настасью положил глаз молодой парень, сын одного из купцов, не слишком отягощенный совестью, зато обладавший властью в виде звонких монет. И видно было, что не девицей купеческий отпрыск соблазнился, а ее талантом, искусством вышивать дивные узоры. Настолько, что к отцу Настасьи пришел. Да не просто так — а с даром в виде полной телеги добра и сватами, готовый хоть сейчас "обменять дары на невесту"...

Теплый ветер второй декады березня легонько шевелил молодую листву на липах, растущих неподалеку от Синих Рощиц, ласково касался незримыми пальцами заострившихся скул Радея-охотника, перебирал прижатые кожаным обручем волосы. Лес звал Радея, приманивая обещанием добычи в расставленных пару дней назад ловчих силках, да и гам в селе, превратившегося в базарную площадь, уже настолько утомил охотника, что если б не Настасья — давно собрал бы свои нехитрые пожитки да ушел куда глаза глядят, за Вельгу-реку или же в густые леса за Стольным Градом. Но как оставить здесь ту, при взгляде на которую сердце сладко сжимается, а на губах невольно появляется теплая улыбка? Как осмелиться сказать, что свобода дороже?

Никак, потому что без Настасьи любая воля будет страшнее неволи, ведь как бы далеко он не ушел, сердце будет продолжать тянуть его обратно, и чем дальше идти, тем сильнее будет натягиваться незримая струна в его душе. До звона, до боли, до беззвучного вопля.

Радей едва заметно улыбнулся, мягко ступая по обновленному травяному покрову, и глядя не столько себе под ноги, сколько окрест. На залитых солнцем полянах в траве виднелись белые звездочки мелких цветочков с крепким, сладким ароматом — "эльфийская греза" распускалась только в березне, и цвела лишь несколько дней. В этом году Настасья еще не плела венки из этих "звездочек", и надо бы успеть, пока "греза" не отцвела.

Охотник замедлил шаг, сворачивая к небольшой полянке, над которой уже плыл незримый шлейф сладковатого аромата. Настасью-то он и встретил впервые в лесу, когда наспех сплетенный венок из "эльфийской грезы" рассыпался прямо у нее на голове, и мелкие белые цветочки весенними звездами запутались в гриве полночно-черных распущенных волос едва ли не до колен. Встретил — и понял, что пропал. На пороге четвертого десятка весна солнечным лучом пробилась в его сердце, оставив там свой золотой след и навсегда связав его с кареглазой, немного нескладной девкой с "эльфийской грезой" в волосах...

День пролетел незаметно. Казалось бы, солнце только что ярко освещало землю золотистыми жаркими лучами — и вот оно уже клонится к горизонту, а тени становятся все длиннее и гуще. Радей, успевший к тому времени обойти поставленные силки, возвращался в Синие Рощицы не с пустыми руками, когда на въезде в деревню заметил небольшую телегу с вычурной, узорчатой обрешеткой. Захолонуло сердце дурным предчувствием беды, бросил Радей добычу в кожаном мешке прямо у ворот — да бегом припустил к Настасьиному дому. Бежит, а в душе все разрастается предчувствие беды, а уж когда влетел он на истоптанный подкованными копытами двор — так и вовсе сердце екнуло.

Как взбежал по добротным ступеням высокого крыльца — сам не помнил, но всхлипывающую Настасью, забывшуюся в самый темный угол сеней, он увидел сразу.

— Не подходи, Радей! Не трогай!

Крик — как у раненого, вусмерть напуганного зверя. Заходящее солнце скользнуло скупыми лучами в темное нутро сеней, кое-как осветив растрепанную девку в разорванном в клочья платье. На тонких, смуглых руках уже проступали лиловые синяки, в уголке распухших, искусанных губ запеклась тоненькая струйка крови, а разодранный подол толком не прикрывал стройные бедра, измазанные кровью...

Радея словно обухом промеж глаз ударило. Он покачнулся, но шагнул к любимой, бережно, осторожно, несмотря на довольно слабое сопротивление, обнял, как дитя малое, укачивая и глядя по растрепанным, спутанным волосам, пока Настасья не перестала вырываться — и не прильнула к его груди, захлебываясь плачем. И хорошо, что девушка не видела, как глаза Радея обратились в серо-стальной лед от едва сдерживаемой ненависти к тому, кто осмелился поднять руку на девушку, обесчестить ее, взяв против воли, едва не поломав насмерть этот дивный, хрупкий цветок. То, что купеческий сын не доживет до утра, уже не подлежало сомнению. И вряд ли умрет он быстрой и легкой смертью.

— Теперь мне только камень на шею — да в ближайший омут, — вдруг тихо сказала Настасья, не поднимая головы. Голос глухой, надорванный. Долго кричала, понял Радей,

осторожно укачивая девушку. Так почему же ни отец, ни дядька на помощь-то не пришли?

Да потому и не пришли, — подумалось охотнику. Что глотки надрывали на торжище, стремясь продать Настасьину вышивку подороже. Как услышать за гамом базарного дня, как кричит-надывается в сених дочка родная, пусть и не особенно любимая? Никак. Потому и чуял безнаказанность свою купеческий сын, зная, что никто его, как паршивого пса, за шкуру от девушки не оттянет, не испортит лицо породистое, потому как за ним — власть и деньги родовитого батюшки-купца.

— Не глупи, Настасьюшка, — негромко произнес Радей-охотник, целуя любимую в макушку. — Не тебе в омут скоро суждено. А обидчику твоему. — Он ласково взял девушку за левую руку с обломанными ногтями, на которой тускло поблескивало кольцо из витого серебра, прижался губами к нежной ладони. — Ты же мне обещалась осенью в жены... Неужто передумала?

— Да как же я могу?.. Как же ты можешь?... — всхлипнула девушка, цепляясь за потертую, не раз штопанную куртку Радея, как утопающий за проплывавшую мимо доску. — Как же... теперь?

— Как и раньше. — Радей осторожно прижал к себе девушку. — Мне без тебя жизни нет... и если все же решишься себя убить, знай, что я в тот же день последую за тобой на Грань, долго тебе ждать меня по ту сторону не придется.

Скрипнуло крыльцо под тяжелыми шагами, неплотно прикрытая дверь распахнулась, и на пороге показался седобородый деревянных дел мастер, Настасьин отец. Завидев дочь в столь непотребном виде и обнимающего ее Радея, столяр всплеснул руками, роняя на пол резной ларчик, который со стуком ударился о доски и распахнулся, рассыпав серебряные кругляши.

— Что же ты... учинил, бесово отродье?! Настасьюшку... — начал поднимать голос столяр, и почти сразу же осекся, встретившись с ледяным волчьим взглядом Радея-охотника. И правильно сделал, потому как Радей оскалился, помогая девушке подняться с пола и одним движением стаскивая с себя куртку, набрасывая ее на ссутуленные Настасьины плечи.

— Если б я возжелал свою невесту до свадьбы, то никогда не стал поступать с ней, подобно нелюдю. — Охотник легонько подтолкнул девушку в объятия отца и шагнул за порог. — Но зверя, что причинил твоей дочери зло, я найду. И поступлю, как поступают с бешеным зверьем.

С этими словами Радей скользнул в наступающие сумерки, позабыв и о добыче, брошенной у ворот, и об отдыхе. На поясе у него с одной стороны висел берестяной тул с десятком стрел, с другой — широкий охотничий нож, коим он частенько свеживал добычу, а верный ясеновый лук с тугой тетивой, свитой из оленьих жил, редко подводил его на охоте. Человека лихого выследить легче, чем пугливого лесного зверя, да и убить проще, но вот свершить суд на глазах всего села не получится. Потребуют отвезти на княжеский суд в Стольном Граде, а уж там купец сыночка своего из острогов как пить дать выкупит, не успеет поганец простыть на жестком каменном полу.

Если бы сынок купеческий сразу догадался сбежать из Синих Рощиц после содеянного, то, быть может, прожил бы немного дольше. Но слишком самоуверенным оказался "молодец", у которого над верхней губой едва-едва пробились усы, слишком уж он был убежден, что за обесчещенную селянскую девку ничего ему не будет. А если и возмутится отец — в тот же день отошлет письмо в Столен Град, и откуп обиженной прибудет всего через несколько дней, как и требовал закон. А кто откажется от золотой гривны и пяти аршин эльфийского шелку в обмен за обиду дочери? Уж не в грядущий голодный год — точно...

Впрочем, как слегка нетрезвый купчонок взбирался на свою чалую кобылу, видели почти все завсегдатаи постоялого двора. Как тот, покачиваясь и поминутно ругаясь на "неблагодарную скотину, которая не хочет ехать прямо", выехал за ворота Синих Рощиц в направлении Стольна Града — тоже.

Но вот живым купеческого сына больше никто не видел. Сказывали, что лишь через

неделю распятую на берегах человеческую кожу нашли в лесу неподалеку от Синих Рощиц. Тело же, брошенное у корней, к тому времени оголодавшее за зиму лесное зверье растащило едва ли не по косточкам — нашли лишь обгрызенный череп да полуобглоданную левую руку. Опознать же сумели только по разбросанной по поляне одежде, да приметной родинке на снятой "шкуре".

Радей-охотник исчез из села в то же время, лишь раз его видели рядом с Рошицами, да и то удалявшегося куда-то в сторону Вельги-реки. Посланные по следу купеческие наемники так и не вернулись, и тогда купец объявил за голову Радея, убийцы своего сына, неслыханную цену — пять гривен золотом. На эти деньги простой крестьянин мог припеваючи жить с полгода, а то и год, если село находилось на достаточном удалении от столицы Росского княжества — знатная награда, но и "дичь" была непроста, далеко не каждый решался "попытать счастья".

Настасью-искусницу не раз и не два расспрашивали, куда девался ее жених, но девушка только качала головой и опускала глаза, не говоря ни слова. После того, как купеческого сына нашли в лесу мертвым, девушка стала словно сама не своя — днями просиживала над вышивкой, на смотрины больше не ходила, но и кольцо из витого серебра, несмотря на все уговоры или приказы отца, не снимала.

А жарким летним днем Настасья собрала нехитрые пожитки в узелок, поклонилась отцу в пояс — и ушла из Синих Рощиц по дороге к Вельге-реке...

* * *

Расцвела багрянцем и золотом по осени листва вокруг неприметного, низенького бревенчатого дома, запрятанного подальше от людских глаз в лесах рядом со Стольным Градом. Курился ароматный дымок над трубой, еле слышно поскрипывала старая ель в двух шагах от простенького заборчика. Человек, заменявший прогнившую доску в порожке, уже не был молод — коротко остриженные, когда-то русые волосы, уже тронула нетающая седина старости, холеная, аккуратная борода спускалась почти до середины груди. Свободные коричневые одежды, добротные сапоги да серебряный перстень с ярко сверкающим на солнце янтарем на правой руке.

Лесной волхв как раз успел приладить новую доску взамен прогнившей, встал на нее, слегка подпрыгнул, проверяя, крепко ли держится, как за тыном, где-то неподалеку, послышался лай гончих псов, людские крики. Мгновение тишины — и на полянку перед домом, усыпанной палой листвой, вышел худой, израненный человек с каленой стрелой в боку. Кровь заливала потертую, выдавшую лучшие дни куртку, берестяной тул на поясе был уже пуст, но правая рука незнакомца еще сжимала широкий охотничий нож с окровавленным лезвием.

Охнул волхв, сбежал по ступенькам по направлению к забору, мановением руки распахнув кажущуюся хилой калитку, и подхватил под руку уже падающего навзничь человека. И откуда только столько сил в пожилом волшебнике? Потерявшего сознание раненого он затащил в дом прежде, чем к калитке с криком и гиканьем подъехала песья охота и предводитель, невысокий, крепкий мужик в богатой собольей шапке, внимательно осмотрев и разворошенную листву на поляне, и приоткрытую калитку, громко воззвал:

— Эй, хозяева, кто там дома! Выдавайте разбойника, что у вас скрывается!

С громким треском захлопнулась перед носом его коня простенькая калитка, стукнул, опускаясь в кольцо, кованый крюк, а на пороге дома появился лесной волхв с посохом в руках. Что-то невидимое пронеслось в стильном осеннем воздухе, окутало охоту — да сгнуло, а людям почудилось, будто бы Морена-смерть, пролетая мимо, задела их самым краем своего черного плаща. Заскулили, припадая к земле, свирепые, натасканные рвать что зверя, что человека, охотничьи псы, всадники едва удерживали на месте словно взбесившихся лошадей, а волхв поднял тяжелый взгляд на предводителя в соболиной шапке и покачал головой.

Чудны были те глаза лесного волшебника. То карие, то янтарно-золотые, как вызывающе ярко сверкающий на его правой руке серебряный перстень. И не надо было слов, чтобы понять предупреждение старика, который величаво стоял на пороге дома, опираясь на посох, как эльфийский король — на изукрашенный изумрудами скипетр.

Резкий порыв холодного, пахнувшего зимой, ветра сбил соболью шапку с главаря охоты, покатил ее по земле, пачкая в грязи дорогой мех, пробрался под одежду "загонщиков", выстуживая тепло.

— Уходите. И не возвращайтесь.

Голос волхва, спокойный, обманчиво-дружелюбный, раздался над поляной, эхом откликнулся где-то за деревьями, вплелся в шепот лиственного ковра под ногами, зашумел в порывах ветра. И ничего не оставалось наемникам с столенградской псарни, как развернуть коней и убраться подальше от проклятого места, от странного старика с глазами цвета осени. Много позже они пытались вновь найти это место, но каждый раз возвращались ни с чем, но упрямые, уязвленные наемники не оставляли бесплодных попыток, пока кто-то не рассказал им о старике, который живет совершенно один в маленькой избушке. О великом волхве Лексее Вестникове, что не зря почитается одним из сильнейших волшебников Росского княжества, но предпочитает богатству и почету княжеской службы уединение и право поступать по совести...

Стукнула, закрываясь, добротная дверь, когда волхв вернулся в горницу, где на широкой лавке, стиснув зубы, лежал немолодой мужчина со стрелой в боку. Увидев волхва, он вздрогнул, слепо зашарил свободной рукой по боку, где висели пустые ножны.

— Здесь тебя никто не обидит, добрый человек, — покачал головой волхв, пристраивая посох у выхода и беря с подоконника большой плетеный короб. — Не бойся ни меня, ни наемников, что устроили на тебя охоту, как за бешеным волком. Как звать-то тебя хоть?

— Радей, — выдохнул раненый, бессильно откидываясь на лавку и чувствуя, как немеет, отказывается служить когда-то послушное и выносливое тело. Острый нож взрезал куртку и рубашку на его боку, чуткие, осторожные пальцы ощущали рану.

— А меня Лексеем, — волхв улыбнулся, накрыв прохладной, крепкой ладонью лоб Радея-охотника. — Выживешь, не переживай. Будешь еще бегать, как раньше...

— Опять... от охоты... волком, да? — просипел Радей, вздрагивая, когда из онемелого, нечувствительного к боли бока волхв выдернул окровавленную стрелу с граненым наконечником.

— Отдыхай...

Всего лишь слово, сказанное Лексеем, погрузило его в блаженную дремоту, где не было ни боли, ни усталости, ни тревожащих душу снов об оставленной в Синих Рощицах Настасье и охочущих до золота и его головы наемников. С тех пор, как Радей отомстил за любимую, поступив с лютым зверем, прячущимся в образе человека, так, как следует поступать охотнику с добычей, жизни спокойной ему не стало. Награда за его голову все росла, ему приходилось скрываться в глухих лесах, в летних временках, и все бы ничего, если б сердце не тянуло, не звало его к Настасье, чью расшитую изумрудным шелком рубашку он берег пуще глаза. Жарким летом он не выдержал, вернулся в оставленную им впопыхах деревню, да только любимой там уже не было. Ушла она куда-то, одна-одинешенька, и неизвестно, сумела ли найти кров в чужом доме, али давно утопилась в омуте, оборотившись от горя русалкой.

Вот тогда-то Радей-охотник и попался. Пока он выпрашивал у отца суженой своей, куда могла податься Настасья, младший брат ее, науськанный отцом, сбегал за караулившими в деревне наемниками. Радей и в тот раз ушел из Синих Рощиц, прорвался с боем, оставив за собой три остывающих тела на дороге, каждое — со стрелой в груди или горле, но скрыться ему уже не удалось. Не прошло и двух дней, как почуял он за собой погоню, которая настигла его у дома волхва Лексея...

В избе волхва всегда было тихо и тепло, пахло травяными сборами и осенью. Рана на боку зарастала удивительно быстро — уже через неделю Радей вставал с лавки и выходил на

порог, подышать свежим, пряным воздухом, послушать, как что-то шепчет палой листве падающий с серых небес осенний дождь или же погреться на прохладном уже солнышке, чувствуя, как возвращаются утраченные было силы. Лексей так ни разу и не спросил Радея, что привело его умирать на порог лесной избушки, а сам охотник пока что не горел желанием рассказывать свою историю старику с молодыми глазами.

Рюин уже подходил к концу, когда Радей-охотник ощутил, что рана затянулась полностью, а на память о наемничьей стреле ему остался только гладкий, бледным пятном выделяющийся на загорелой коже шрам. Тогда-то он и пришел с просьбой к лесному волхву, разбирающему собранные еще летом травы в горнице. Поклонился в ноги волшебнику и попросил, если такое возможно, оборотить его зверем лесным, потому как сил нет ему оставаться в облике человеческом. И не в том дело, что Радея-охотника ищет половина наемников по эту сторону Вельги-реки, а в том, что жить волком среди людей ему опротивело.

Рассказал Радей и о невесте опозоренной, неизвестно куда сгинувшей, что была для него единственным светом в окошке, единственной радостью и печалью, и о совершенной над ее обидчиком мести, и о том, что все чаще посещает мысль упасть грудью на верный охотничий нож. Ведь не сберег Радей ту единственную, что дороже жизни была, не защитил, хотя и мог, не забрал с собой, когда уходил, потому как думал, что ни к чему ей преследуемый человек, виновный в хладнокровном убийстве...

Долго молчал Лексей, глядя на опущенную, седую голову Радея-охотника, на пальцы, стиснувшие березовую рукоять широкого охотничьего ножа, и наконец отложил пучок душистых трав, что держал в руке все время, пока спасенный им человек выговаривался за свою прошлую жизнь.

— Точно ли решил?

— Точно, — Радей поднял голову, и глаза его обратились в крепкий, темно-серый лед на поверхности промерзшей до самого дна реки.

— Идем со мной. Да и нож свой не забудь.

Быль такой обряд, редко когда используемый ведунами, потому как никогда нельзя быть уверенным, вернешься ли в человеческий облик, али останешься в звериной шкуре, постепенно утрачивая разум, поддаваясь инстинктам до тех пор, пока никто не сможет отличить оборотня от обычного лютого волка. Только многое еще зависит от ведуна, проводящего обряд, от человека, что желает оборотиться волком — убийство ли задумал или же просто так тоска звериная заела, что жить среди людей становится невыносимо...

Волхв Лексей отвел Радея за дом и повелел подтащить поближе тяжелую колоду, на которой обычно кололи дрова, а затем взял Радеев широкий охотничий нож и, держа его обеими руками, начал что-то читать вполголоса, обходя колоду по кругу. В сгущающихся осенних сумерках послышался сильный, протяжный волчий вой, ему отозвался еще один "голос", и еще один... Словно волки, обитающие в лесу, сбегались к месту проведения обряда, будто бы тянуло их произносимое волхвом заклинание, манило, как пролитая беззащитной, слабой жертвой кровь.

Плеснуло рыжим огнем, заполыхало золотыми бликами чистое, блестящее, словно только что выкованное лезвие, а Радею почудилось, будто бы из отблесков на ноже на него глянули желтые волчьи глаза. На миг захолонуло сердце, кольнула иголочка сожаления-отчуждения, волчий взгляд сменился человеческим, печальным, мягким, блеснули синевой глаза Настасьи на гладкой, словно зеркало, поверхности стального лезвия. Словно любимая с осуждением смотрела на него откуда-то издалека, просила одуматься, не торопиться с решением, но... какая теперь Радею жизнь человеком, если до конца дней своим скрываться придется в лесах от обозленного, желающего расправы купца?

С волками жить — по-волчьи выть.

И когда волхв Лексей в размаху воткнул нож до половины в сырую, неподатливую сердцевину колоды, Радей-охотник, не раздумывая, кувыркнулся через блестящее зачарованное лезвие.

Резкой, невыносимой болью отозвалось изменяющееся тело, покрылось серебристо-белой густой шерстью, долгий, отчаянный вопль превратился в протяжный волчий вой. Треснула по шву с любовью вышиваемая Настасьей дареная рубаша, расплзлась пополам, соскальзывая с могучего хребта огромного, с тельца размером, светло-серого волка с темной полосой вдоль спины. Золотом отразились затухающие на лезвии ножа огоньки прозрачно-зеленых волчьих глазах, суровый оскал сменил улыбку.

Разумный волк махнул хвостом и припал на землю перед стоящим Лексеем Вестниковым, еле слышно рыкнул, опуская голову и стараясь не смотреть на лежащую на ворохе листьев разорванную рубашку.

— Неподалеку живет стая разумных волков, подобных тебе. Разница только в том, что они родились волками, а ты им стал только что, — волхв присел на корточки рядом с Радеем, коснулся кончиками пальцев густой серебристой шерсти. — Если сможешь с ними ужиться — обретешь новую семью. А не сможешь — этот нож будет тебя ждать. Тебе будет достаточно лишь перекувыркнуться через него еще раз — и вновь станешь тем, кем был.

В ответ — лишь глухое, недовольное ворчание. Радей вскочил, метнулся к колоде и ухватился мощными челюстями за березовую рукоятку. Острые, способные перегрызть ногу лошади, зубы сомкнулись, волк резко дернул головой — и широкое лезвие охотничьего ножа не выдержало, сломалось у самой рукоятки, оставив в колоде медленно затухающий обломок лезвия.

"Теперь не вернусь", — негромкий, но вполне узнаваемый голос раздался в голове Лексея Вестникова. Волк выплюнул на землю погрызенную березовую рукоять ножа и пристально взглянул на волхва. — "Я не вернусь к людям. Никогда".

— Твой выбор, Радей-охотник, — тихо произнес пожилой волшебник, глядя на глубоко засевший в дереве обломок лезвия с некоторой грустью и сожалением. — Только поторопился ты с ним, не пожалеть бы...

"Мой выбор. Только не зови Радеем больше. Не человек я более, значит, и имени человеческого у меня быть не может. Окажи последнюю услугу — одари волчьим именем, как одарил обликом, а, Лексей Вестников?"

— Тогда зовись Серебряным, коли настаиваешь, — вздохнул волхв, перебирая пальцами в воздухе так, словно распутывал невидимую нить.

"Благодарю, лесной волхв", — бывший охотник склонил голову, а затем развернулся — и, перескочив невысокую деревянную ограду, скрылся за деревьями в пронизанном волчьим воем осеннем лесу, оставляя за спиной прежнюю человеческую жизнь.

А немолодой уже, тяжело опирающийся о потемневшую от времени глухую стену дома мужчина еще долго смотрел ему вслед, всей душой надеясь, что только что не совершил одну из тех ошибок, исправить которую уже не удастся...

* * *

Осень минула, зима же выдалась холодная, затяжная, с частыми метелями и обильным снегопадом. Лес замер, заснул в тревожном ожидании весны — лишь изредка за забором низенькой избушки в лунные ночи раздавался тоскливый, одинокий вой. Протяжный, цепляющий за душу, он плыл над заснеженным лесом, над замерзшими речушками и прудами, пугал крестьян в окрестностях Стольна Града, которые, едва заслышав этот вой, старались понадежнее запереть скотину в хлеву. А уж когда в просинце ударили суровые морозы, пополз по окрестным деревням слух о невесте откуда появившемся в местной волчьей стае одиноце. Пастухи, ходившие за скотиной, клялись и божились, что поутру находят рядом с теплыми хлевами волчьи следы, накрыть которые не могла даже немаленькая ладонь местного старосты, что серебристый волк-одиноца, бродящий по лесу, в одиночку перерезал самых злобных, тщательно натаскиваемых охотничьих псов в округе.

Люди проклинали зверя, что почти каждую ночь каким-то образом умудрялся открывать запертые хлева и выгонять одну-другую телушку на прокорм всей стаи; на него

ставили капканы, рассыпали яд, изготовленный из борца-травы, но серебряный волк играючи избегал всех ловушек, словно и впрямь обладал разумом человека.

Вконец отчаявшись, крестьяне в складчину заплатили наемнику-зверолову из Стольна Града, человеку злomu, жестокому и не очень-то надежному, но на тот момент казалось, что из двух зол люди выбирают меньшее.

Но, как водится, ошиблись.

Наемник с неделю пробыл в деревеньке, грелся в бане, столовался в старостином доме и, поговаривают, уже не раз и не два затащил на сеновал глухонемую, но пригожую дочку старого пахаря, а потом вдруг на ночь глядя, вооружившись тугим луком и калеными стрелами, отправился в лес. К утру он притащил в деревню труп светлой, почти белой волчицы, проволоком ее на веревке по центральной улице, да и бросил у дальней околице, заявив, что зверь пойман и убит, работу свою он выполнил, а значит, может отправляться восвояси. Или же остаться до весны — посмел бы кто его выгнать, когда теплая зимняя шуба охотника забрызгана волчьей кровью, а тул из провощенной кожи на поясе еще полон красноперых стрел с тонкими гранеными наконечниками.

Да вот только "гостеприимством" крестьян охотник насладиться так и не успел — на следующее же утро его обнаружили в выстуженном за ночь амбаре с разорванным горлом. Волки не только убили горе-охотника, но и словно в издевку, переломали все стрелы, а перегрызенный пополам лук сохранил на дереве следы таких зубов, что крестьяне предпочли побыстрее вытащить труп наемника за околицу, а там, наскоро соорудив погребальный костер, сжечь тело и не пытаться более выследить и убить серебряного одиноца...

И случилось так, что в лютый сечень, в жестокую метель пришла в ту деревеньку молодая женщина. Высокая, стройная, во вдовьем платке, прикрывающем черные, как смоль, коротко обрезанные волосы. Пришла правды искать, о муже своем все расспрашивала селян, от дома к дому ходила, стучалась в окно, но еды или приюта не просила — только вызнать пыталась, не появлялся ли здесь седой охотник с зелеными глазами, не приходил ли такой в деревню, не видал ли его кто на сельском торжище или на городской ярмарке? Но люди только плечами пожимали, и вдова, пряча хрупкие ладони с тонкими, натруженными пальцами в меховые варежки, шла дальше.

День уже клонился к закату, когда кто-то, сжалившись, указал женщине в сторону леса, где жил "всезнающий и всеумеющий волхв, уж коли он не подскажет — то никому не помочь" и та, невзирая на спускающиеся сумерки, трескучий мороз и заново поднимающуюся пургу, направилась к тому, кого люди с уважением называли "мастером Лексеем".

И неизвестно, нашла бы Настасья-искусница Лексея Вестникова, если бы не столкнулась с ним у кромки леса, не спросила дорогу да не познакомилась почти случайно...

Злилась, была раненым зверем за добротными дубовыми ставнями не на шутку разошедшаяся метель, снег стучал в стены, словно пытался сломать их, добраться до укрывшихся за ними людей, выморозить, выстудить тела, сделать души безмолвными ледяными призраками, что бродят иногда посреди зимы, не оставляя на пушистом покрове следов. В горнице же было тепло, даже жарко — ярко горел огонь в натопленной печи, обогревая продрогшую до костей Настасью, высушивал обметенные снегом валенки, пуховую шаль, наброшенную на узкие, костлявые плечи. Девушка с трудом удерживала в дрожащих, заоченевших пальцах глиняную кружку с горячим травяным отваром и безучастно смотрела на пламя, пока волхв Лексей ловко сажал на аршинном ухвате в печь горшок с бараньей похлебкой.

— Так за чем пришла, девица-красавица? Чего ж тебя понесло в такую погоду из дома да по дорогам скитаться? Как не заболела только... — покачал головой волхв, усаживаясь на лавку напротив девушки и начиная неторопливо перебирать мелкие поделки в стоящем рядом раскрытом коробе.

— Суженого своего ищу, а не самого — так хоть узнать, коли умер, где могилку его искать, кому в ноги за спасение от человека лютого поклониться. — Сняла Настасья с

головы черный вдовый платок, тряхнула коротко стриженными кудрями. — Ему я принадлежу, и если нет его в живых, то и мне жизни на земле этой не будет. Подсоби, дядюшка, век благодарна буду!

Она вскочила, едва не выронив чашку из рук, кинулась к брошенной на лавке у стола сумке. Долго рылась в ней, пока не вытащила на свет волшебного светлячка белоснежное полотенце, сплошь расшитое алыми многохвостыми птицами. За такое на столенградской ярмарке серебра отваяют поболее, чем за рушник эльфийской работы, не пожалеют денег, да еще и спасибо скажут, что красоту такую продали. Протянула девушка полотенце волхву, а у самой руки дрожат, как веточки вереска на стылом ветру.

— Возьми в уплату, денег у меня все равно нет... Только Радея моего отыскать помоги!

Принял Алексей Вестников рушник вышитый, долго рассматривал, словно оценивая каждый стежок мастерицы, выложенный с любовью да надеждой. Свадебный, не иначе. Из приданого взят, для единственного, любимого мужа сделанный, в надежде, что подаст девица ему этот рушник лицо вытереть поутру после первой брачной ночи уже не невестой — женой законной. Видел он уже такую вышивку, касался пальцами дивного мастерства, узора, нарисованного острой иглой и тонкой ниткой.

Только узоры были не цвета алой, только что пролитой крови, а играли зеленью молодой листвы...

— Как звать-то тебя, девонька? — ласковая, чуточку грустная улыбка коснулась губ волхва, когда назвала пришедшая к нему на поклон девица имя, которое в горячечном бреду выкликивал Радей-охотник, пока тело его пыталось зарастить жестокую рану в боку от злой стрелы.

Настасья-искусница, Настасья-краса, Настасья-любимая...

Та, единственная, ради которой Радею пришлось покинуть людской мир, уйти в лес седым, серебряным зверем в надежде, что забудет его девица с золотыми руками и ласковым светом в синих, как небо, глазах, что сочтет его умершим и не будет бродить по свету, неприкаянной, как и он сам.

Недооценил он свою нареченную. Не понял, что в сердце девушки крепко засела та самая огромная, как мир и беззаветная, как надежда, волчья верность. Та, что может заставить человека али зверя кинуться в ночь, не разбирая дороги, через холод и метель только для того, чтобы удостовериться, что с бережно хранимой драгоценностью, второй половинкой ничего дурного не случилось.

— Иди за мной, Настасьюшка...

Тихо поскрипывали под ногами выглаженные ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж дома, в обширную полутемную комнату, заставленную сундуками и коробами, заваленную вещами, которые лесной волхв никак не мог разложить по местам. Ярko вспыхнул под потолком белый светлячок, озарил своим светом каждый уголок комнаты. Алексей пропустил девушку в комнату, махнул рукой.

— Узнаешь чего?

Настасья поначалу непонимающе осматривалась вокруг — а потом вдруг тихонько ахнула, кинулась к дальнему сундуку, на крышке которого лежала, аккуратно сложенная, разорванная белая рубашка с изумрудной зеленью вышивки. С первого взгляда узнала мастерица свою работу, прижала все еще пахнущую лесом, прелой листвой и диким зверем рубашку к лицу, еле слышно заплакала...

— Не жить мне теперь... — тихо произнесла Настасья, поднимая голову и кончиками пальцев разглаживая порушенный узор на рубашке. — Хорошо, что зима сейчас... не придется омут искать...

— Он тоже грозился либо в омут головой, либо на нож верный грудью упасть, — вздохнул Алексей, подходя к девушке и кладя ладонь ей на плечо. — Только потом другой путь выбрал.

— Так живой он?! — а потухшие было синие глаза наполняются надеждой так же скоро, как чуть ранее — слезами.

— Живой. Только не узнать его теперь, он совсем не такой, как прежде...

— Узнаю!! — Настасья поднялась с пола, все еще прижимая к груди изорванную рубашку, а глаза горят решимостью идти за суженым хоть на край света, хоть в каменных башмаках, хоть в железных, и неважно, жаркое лето за окном или же суровая лютая зима. — Каким не стал бы — все одно узнаю! Не держи, волхв, все равно не сумеешь. Не поможешь ты — найду сама, где бы он ни был.

— Верю, Настасьюшка. У вас одна верность на двоих.

Суровая, беспощадная.

Волчья...

Легкой поземкой стелется снег над ровным белым покрывалом, укрывшим лесную поляну, окруженную могучими сторожами-елями. Тихо в зимнем лесу днем, лишь изредка потрескивает древесная кора от мороза. Дыхание, срывающееся с губ, белым облачком рассеивается в стылом воздухе, щекочет ресницы намерзающий иней.

Холодно.

Настасья с трудом поспевала за Лексеем, чувствуя себя неуклюжей в теплом овечьем тулупе, валенках и пуховом платке, не то что волхв, который играючи преодолевал сугробы и наметы снега на звериной тропе. Торопилась, как могла — но все равно запоздала, пропустила момент, когда на поляне, к которой и вел ее Лексей Вестников, выбежали волки.

Красивые, легконогие звери резвились в пушистом свежевывавшем снегу, купались в холодном белом "озере", шутливо гонялись друг за другом, то образуя пары, то сбиваясь в кучу. Настасья невольно засмотрелась на серых хищников, что наводили страх на окружающие деревни, залюбовалась парами, которые то уходили, то вновь появлялись на поляне.

И только когда со снега поднялся серебристо-белый волк с темной полосой вдоль хребта, у нее захолонуло сердце.

Издалека Настасья не могла рассмотреть одиноца, что встал чуть в стороне от стаи, но почему-то качнулась вперед, вышла из-за ненадежного укрытия голых веток орешника, укрытого снежным покрывалом. Хрустнул сучок под валенком, и сразу же Серебряный запрокинул голову к серому небу и коротко взвыл.

Один за другим волки убегали с поляны, перебираясь в более спокойное место, не то опасаясь, а скорее — просто не желая встречаться с человеком, который пришел без оружия в компании лесного волхва, и последним уходил Серебряный.

Дрогнуло что-то в сердце Настасьи, затопила его черная, глухая тоска, от которой хотелось выть, подобно волку лунной ночью. Выскочила девушка на поляну, закричала дурным, срывающимся голосом.

— Радеюшка!!! Живой!!

Вздрогнул всем телом, словно пронзенный лихой охотничьей стрелой, Серебряный, обернулся на крик. Мелькнуло в светло-зеленых, прозрачных глазах узнавание, тяжкое и до слез отчаянное, попятился волк назад, к лесу, взвился в прыжке, стремясь скорей покинуть поляну. Рванулась за ним Настасья, по колено увязая в пышном снегу, путаясь в тяжелом тулупе, из которого она никак не могла выбраться.

— Радеюшка, не покидай!!

Скинула, сбросила девка на пушистый снег теплую шубу, оставшись в простом шерстяном платье да мужских портах, еще два шага — и выскочила из валенок, в одних вязаных носках побежала она по замеченной поляне по волчьему следу. Горло жгло от ледяного ветра и непролитых слез, сердце колотилось так быстро, что казалось, еще немного — и выпрыгнет оно из груди, оставив Настасью бездыханной на снежном покрывале.

— Ра...

Пригоршня снега, брошенная в лицо северным ветром, заставила очередной крик захлебнуться, замолкнуть. Еще шаг — и Настасья оступилась, падая лицом вниз в жгучее, холодное одеяло зимы, заплакала, потому как не было сил бежать дальше, да и как может человек угнаться за волчьим скоком, а уж тем более зимой...

"Глупая"...

Тихие шаги совсем рядом, густой, пушистый мех коснулся голой, утопающей в снегу ладони, с которой слетела теплая варежка, открыв тонкие пальцы, на одном из которых по-прежнему красовалось серебряное витое кольцо, зимнему холоду. Настасья приподнялась на локте — и изо всех сил обняла за шею серебристо-белого волка с человеческим взглядом.

— Не оставляй меня больше... Радеюшка...

Тишина разлилась над зимним лесом, предвещая скорое начало новой бури. Девушка с коротко стриженными волосами плакала навзрыд от облегчения, нахлынувшего счастья, пряча раскрасневшееся от замерзающих на щеках слез лицо в пушистой шубе серебряного волка...

* * *

Только раз в этом месяце видел Алексей Вестников яркую, заметную волчью пару, живущую неподалеку от его избушки. Высокий, сильный светло-серый самец, опекающий небольшую, почти черную волчицу. Недавно они приходили вместе к простой деревянной ограде — просто появились на поляне, стоя плечом к плечу и глядя на лесного ведуна, вышедшего на порог.

Два сломанных ножа ныне хранятся в одном из сундуков на чердачном этаже, бережно завернутые в рваную рубаху с дивным изумрудным узором и белоснежный свадебный рушник, на котором распускали крылья алые птицы счастья. Один — с изгрызенной волчьими зубами березовой рукоятью, в широкое лезвие которого до сих пор можно смотреться, как в зеркало, а другой — узкий, тонкий, простой нож для резки хлеба.

Два человека, навсегда связанных друг с другом узами, что крепче стали и сильнее смерти, покинули мир людей, что не принял их такими, какими они были, ушли в заповедный лес парой свободных, как ветер, сильных волков, оставив за плечами все то, что было когда-то дорого ради возможности исцелить одну общую тоску.

Страшная тоска, звериная, неумолимая.

Имя ей — волчья верность...

Сухий — первый весенний месяц (росск) — прим. авт

Березень — второй весенний месяц (росск). - прим. авт

Рюин — первый осенний месяц (росск) — прим. авт.

Просинец — второй зимний месяц (росск) = прим. авт.